

На следующий день рано поутру Тан Фань отправился прямым путем в префектуру и попросил магистрата Фаня привести Линь Фэнъюаня.

Однако посланный за ним служащий вернулся, доложив магистрату Фаню, что Линь Фэнъюань приболел и прислал сообщить, что берет отпуск, дабы восстановить свое здоровье.

Магистрат Фань тотчас нахмурил брови:

— Пойди к Линям и скажи, что он должен явиться сюда, как бы сильно ни болел...

Тан Фань жестом остановил его:

— Ты знаешь, где живет судья Линь?

— Этот скромный чиновник знает! – поспешил ответить магистрат Фань.

— Раз он не придет, я сам его навещу. Велите отвезти нас к нему.

Слово императорского посланника – закон. Магистрат Фань не стал отнекиваться и тотчас отправился в путь вместе с Тан Фанем.

Но в душе продолжал ругать непонятливого Линь Фэнъюаня: “У тебя сын умер, у тебя горе, цензор Тан расследует причину его смерти, а ты сотрудничать не хочешь, да еще и больным сказываешься. Что с тобой не так?”

Но, прибыв в дом Линь, магистрат Фань обнаружил, что Линь Фэнъюань несколько не притворился, а действительно был болен.

Он был непосредственным начальником Линь Фэнъюаня, так что виделся с ним, пусть и не каждый день, но хотя бы раз в два-три. После смерти Линь Чжэня Линь Фэнъюань осунулся и все время ходил мрачным – в этом не было ничего удивительного, однако человек, что теперь их приветствовал, выглядел не просто осунувшимся: его будто подменили.

Седина, прежде незаметная, теперь покрывала большую часть головы Линь Фэнъюаня. Вытянутое лицо было худым и бледным, а под глазами виднелись темные круги – он словно постарел лет на десять.

Тан Фань его прежде не видел, так что не особо удивился, а вот магистрат Фань с Лу Линси оказались застигнуты врасплох.

— В последний раз, когда его видел, он не выглядел настолько старым, – прошептал Лу Линси Тан Фаню на ухо.

Линь Фэнъюань сделал шаг вперед и поклонился:

— Этот скромный чиновник Линь Фэнъюань приветствует императорского посланника и магистрата.

Тан Фань помог ему подняться:

— Судья Линь, не стоит так церемониться. Выглядишь неважно – доктор уже был?

— Благодарю господина за беспокойство. Этот скромный чиновник просто простудился, ничего страшного.

На простуду было не похоже. Выглядел он так, будто слишком переживал и совсем не спал. После смерти сына оно и не удивительно. Было бы странно, если бы он был в состоянии улыбаться.

Тан Фань знал, что у Линь Фэньюаня было трое сыновей. Покойный Лин Чжэнь был старшим из них. Второй сын был чуть моложе и теперь обучался в академии на острове Байлу. Младшему же сейчас было чуть меньше семи, и он еще учился на дому.

Самому Линь Фэньюаню было за сорок. Хотя должность у него была невысокая, даже такой далеко не все могли достичь. К тому же в его возрасте и уже трое сыновей – жаловаться не на что. Если бы не белые траурные полосы ткани, развешанные по всему дому, конечно.

Тан Фань выразил ему соболезнования, поинтересовался здоровьем, а затем перешел к делу:

— Этот чиновник здесь с наглой просьбой.

Линь Фэньюань не дал ему продолжить, прямо сказав:

— Если господин здесь, чтобы вскрыть гроб моего сына, то не стоит продолжать. Мертвым место в земле. Мой сын уже был похоронен – как можно откапывать его и тревожить? Этот чиновник потерял своего первенца, его сердце и так разбито. Прошу, проявите сострадание к несчастному отцу!

Тан Фань приподнял бровь, однако больше ничем не выказал своего недовольства его отказом. Голос его оставался по-прежнему располагающе доброжелательным:

— Судья Линь, этот чиновник слышал, что семьи Линь и Шэнь давно не ладят. Вокруг много об этом говорят. Это правда?

Услышав этот вопрос Линь Фэньюань, в отличие от Шэнь Куньсю, нисколько не разозлился.

— Правда, – кивнул он.

— Не мог бы ты рассказать поподробнее?

— Шэнь Куньсю занял первое место на окружном этапе экзамена, но провалил официальный этап. Он затаил обиду на моего отца, бывшего в то время главным экзаменатором. И не забыл об этом, даже когда сдал императорский экзамен. Распускал сплетни о том, что мой отец вычеркнул его имя из списка, потому что невзлюбил его, и что карьера моего отца не задалась потому, что он был напрочь лишен добродетели! Клеветал на него, как мог!

— Были ли на то основания?

— Конечно нет! – возмутился Линь Фэньюань. – Работа его действительно понравилась остальным экзаменаторам, но, когда она попала в руки моего отца, он обнаружил, что один из

иероглифов в ней нарушает табу, а потому отклонил ее. Он действовал согласно правилам и поступил верно. В его поступке не было ничего неправомерного!

Упомянутое нарушение табу означало, что в эссе случайно оказался иероглиф, встречающийся в одном из имен действующего императора. Как правило, экзаменующиеся должны были избегать таких иероглифов или писать в них на одну черту меньше, дабы продемонстрировать свое уважение к Сыну Неба.

Однако на экзамене все очень нервничали, и многие забывали заменить эти иероглифы – тут уж как повезет.

Экзаменаторы, которые удаляли такие работы с экзамена, были по-своему правы, хотя более снисходительные предпочитали закрывать на это глаза, если работа была действительно хороша. Эссе не удаляли с экзамена, лишь снижали баллы.

Тан Фань не стал никак комментировать слова Линь Фэнъюаня, спросив:

— Значит, ты считаешь, что твой сын умер из-за того, что Шэнь Кунъю отомстил ему за личные обиды?

— Верно! Шэнь Кунъю – человек мелочный и склочный. Если бы он не продолжал давить на моего сына, тот бы не повесился. Прошу, восстановите доброе имя моего сына!

— Другими словами, ты считаешь, что твой сын невиновен, а так называемое жульничество на экзамене – умышленная клевета Шэнь Кунъю?

Линь Фэнъюань не ожидал, что Тан Фань задаст такой вопрос, а потому на мгновение растерялся.

— Да, – ответил он после короткой паузы. – Мой сын, конечно, не обладал великолепным талантом, но ему не нужно было прибегать к обману, чтобы стать ученым!

— Однако, насколько я знаю, некоторые соученики твоего сына и прочие экзаменуемые, которых также подозревают в жульничестве, признались, что узнали о возможности схитрить именно от Линь Чжэня.

— Не может быть! – рассердился Линь Фэнъюань. – Они клеветают на него! Господин, пусть взгляд Ваш ничто не затуманит!

— Обязательно, – кивнул Тан Фань. – Ничто его не затуманит. Этот чиновник никогда не выносит решение по делу, выслушав лишь одну сторону. Я услышал их признания, так что теперь пришел узнать твое мнение. Мне, как постороннему, сложно судить, кто прав, а кто виноват в конфликте между вашими семьями, впрочем это не касается того, что имеет отношение к делу. Ведь, в конце концов, ты не замешан в произошедшем. Правда известна лишь Линь Чжэню. Не скрою, хоть я и не коронер, некоторыми познаниями в области вскрытий обладаю. Линь Чжэнь мертв, но он по-прежнему может о многом нам поведать: действительно ли он совершил самоубийство из-за Шэнь Кунъю, дабы оправдать себя, или же причина его смерти заключается в другом, можно определить по его телу. Судья Линь, как отец, ты ведь хочешь, чтобы твой сын упокоился с миром, верно?

— Господин, – продолжал отрицательно качать головой Линь Фэнъюань. – Этот скромный чиновник и правда не видит необходимости открывать гроб. За день до того, как моего сына вернули ко мне, коронер уже осматривал его и подтвердил, что тот покончил с собой, повесившись. Почему вместо того, чтобы проверять Шэнь Кунью, господин продолжает настаивать на том, чтобы потревожить моего сына?

Слова его прозвучали крайне грубо.

— Наглец! – воскликнул магистрат Фань.

Тан Фань остановил его жестом руки, а затем снова обратился к Линь Фэнъюаню:

— Были прецеденты, когда заключения коронера о самоубийстве оказывались ошибочны. Коронер коронеру рознь. Многие, прочитав “Записки об очищении несправедливостей”, уже думают, что способны проводить вскрытие, даже не подозревая, что сами становятся причиной тех самых несправедливостей. С тех пор как стал чиновником, я сталкивался с подобным множество раз. Если, как ты и сказал, Шэнь Кунью действительно хотел отомстить семье Линь, он бы не упустил такой возможности. Больше десятка прочих экзаменованных были лишены звания чиновника, но они все до сих пор живы и здоровы, один лишь Линь Чжэнь мертв. Вдруг Шэнь Кунью сделал с твоим сыном что-то, что и стало настоящей причиной смерти? Разве судья Линь не хочет узнать правду?

Тан Фань проявил изрядное терпение, однако Линь Фэнъюань все равно отказал ему:

— Господин, прошу меня простить.

— Что, если этот чиновник будет настаивать на открытии гроба?

— Если господин продолжит настаивать, – немного помолчав, ответил Линь Фэнъюань, – этот скромный чиновник не сможет его остановить. Слышал, Двор направил сюда еще одного императорского посланника для расследования. Этот скромный чиновник обязательно доложит ему об этом!

С официальным положением Линь Фэнъюаня его угрозы в адрес Тан Фаня звучали просто нелепо, вот только в те времена покойных действительно очень почитали. Желание Тан Фаня открыть гроб для вскрытия общество бы не поддержало, а вот Линь Фэнъюаню все бы посочувствовали, осудив Тан Фаня за беспринципность и злоупотребление властью. Да будь Тан Фань хоть старейшиной Кабинета, все равно был бы вынужден считаться с общественным мнением, следить за своим поведением и репутацией.

Услышав это, Лу Линси пришел в ярость. “Брат Тан хочет провести вскрытие, чтобы выяснить причину смерти твоего же сына, а ты не только благодарности не выражаешь, но и палки в колеса вставляешь! Глупец и негодяй!”

К слову, с тех пор как они прибыли в префектуру Цзиань, им такие непонятливые и упертые встречались на каждом шагу: сначала торговец солью Сюй Бинь на пиру, затем Шэнь Кунью, а теперь, вот, Линь Фэнъюань. Может, местный фэншуй не подходит к их гороскопам?

Даже магистрат Фань считал, что Линь Фэнъюань ведет себя слишком раздражающе. Однако

Тан Фань, как ни странно, совсем не разозлился. Может, он не раз сталкивался с личностями похуже Линь Фэнъюаня, так что подобным его было больше не задеть?

Тан Фань взял со столика чайную чашку, аккуратно убрал крышечкой чайную пенку и, опустив голову, сделал глоток.

Линь Фэнъюань отказывался идти на уступки, а Тан Фань отказывался уходить. Первый не смел прогнать второго, так что ему оставалось лишь молча сидеть.

Зал погрузился в напряженную тишину.

Через некоторое время Тан Фань вдруг прервал молчание:

— Неплохая картина.

Присутствующие растерялись, недоумевая, с чего это он вдруг заговорил о живописи. Проследив за взглядом Тан Фаня, они обнаружили, что тот говорит о картине, висевшей на стене дома Линь.

Вдалеке темнели горы, на восток текла река, по который плыла маленькая лодочка, а на ней человек, заложив руки за спину, любовался восходящим солнцем – напоминало: “Утром расстался с Боди, погруженным в пестроцветные облака: тысячи верст по реке до Цзянлина в день единый промчусь” (Ли Бо, “Рано утром отправляюсь из города Боди”, перевод Алексеев В.М.).

Сбоку виднелось двестише: “Двойной ряд далеких деревьев в отражении горы; одинокий листок легкой лодки в течении реки”.

Самая обыкновенная картина. Смысл глубок, но рисовал явно не искусный художник – можно сказать, достаточно посредственная работа. И техника, и двестише заурядны.

— Это новая работа этого скромного чиновника, на днях нарисовал для себя. Не заслуживает даже всеобщего обозрения, не то что похвалы господина.

Тан Фань похвалил-то ее совсем небрежно. Услышав эти слова, он улыбнулся:

— Раз судья Линь отказывается открывать гроб, на этом и покончим. До свидания.

Он поднялся. Линь Фэнъюань поспешил вежливо сложить руки:

— Благодарю господина за понимание. Если господин захочет узнать что-то еще, этот скромный чиновник всегда готов помочь и рассказать все, что знает!

— Не стоит. Оставайся дома и отдохни как следует, – равнодушно ответил Тан Фань, после чего развернулся и ушел.

Магистрат Фань бросил на Линь Фэнъюаня свирепый взгляд и тихо упрекнул его:

— Ты действительно узколобый негодяй!

Он был несколько озадачен. До произошедшего с Линь Чжэнем Линь Фэнъюань прекрасно ладил со своим начальником магистратом Фанем, да и вообще всегда был услужлив и угодлив. Прежде он ни за что бы не поставил свое начальство в неловкое положение, а теперь без зазрений совести нанес оскорбление Тан Фаню, императорскому посланнику. Это же безумие!

О том, что Линь Фэнъюань напрашивается на хорошенькую взбучку, думал не один магистрат Фань. Сопровождавшие Тан Фаня Лу Линси и двое охранников тоже так считали. То, что такой человек, как Тан Фань пришел в дом Линь из-за дела Линь Чжэна, для Линь Фэнъюаня уже было большой честью, но тот, вместо того чтобы оказать ему всяческое содействие, продолжал придумывать всевозможные отговорки. Если бы не Тан Фань, который молча все это снес, Лу Линси давно бы поставил этого Линь Фэнъюаня на место!

— Брат Тан, хочешь, я преподам ему урок? – спросил Лу Линси, выйдя из дома Линь.

— Не нужно, – отмахнулся от него Тан Фань. Выражение лица его было задумчивым, однако он молчал, и, о чем он размышляет, было не понять.

Покинув дом Линь, Тан Фань отпустил магистрата Фаня и Цзи Миня, сказав, что хочет прогуляться и Лу Линси с Си Мином и Хань Цзином ему вполне хватит.

Магистрат Фань с Цзи Мином были занятыми местными чиновниками, так что не могли целыми днями ходить с Тан Фанем. Услышав это, оба тотчас воспользовались его предложением и, вежливо попрощавшись, удалились.

Тан Фань в сопровождении Лу Линси и двух охранников немного попетлял по улочкам, а затем зашел в ближайший ресторан.

Так вышло, что им оказался тот самый павильон “Цинфэн”, в котором Цэн Цзинь с остальными, по их словам, купили ответы на экзамен.

Убранство его оказалось великолепным, гостей была целая туча, и кормили, должно быть, неплохо. Таким, как Тан Фань, нагрянувшим без предварительной брони, оставалось разместиться лишь в общем зале.

Однако общий зал был разделен на два этажа. Столики на втором этаже отделялись друг от друга ширмами. Уединиться, как в отдельной комнате бы не вышло, но хотя бы было тише, чем на первом этаже. И цена повыше.

Официант поприветствовал их с радушием. Услышав, что Тан Фаню нужна отдельная комната, он виновато сообщил, что все комнаты заняты. Тан Фань не стал настаивать и позволил проводить их группу к столику на втором этаже, заказав несколько блюд.

Они вышли с почтовой станции рано утром, а в доме Линь выпили лишь по чашке чая и сдержали по чашке гнева, так что теперь были очень голодны. При виде цыпленка в соусе трех чашек (рисовое вино, соевый соус и кунжутное масло), жареной на вине рыбы, приготовленной на пару свинины с кусочками таро и жареных сушеных грибов – обычных домашних блюд, у них потекли слюнки. За столом их было четверо: Тан Фань не позволил Си Мину с Хань Цзином отсесть за другой столик, так что все сидели вместе и увлеченно ели – только палочки

мелькали. Очень скоро большая часть блюд, включая рис, оказалась сметена, словно порывом ветра, а тарелки опустели.

— А, кстати, – обратился Тан Фань к Си Мину после того, как все наелись, – у меня есть дальняя кухня по материнской линии, которая вместе с родителями в детстве перебралась жить в Цзянси. Несколько лет назад ее родители скончались. Ей пришлось нелегко. Узнав, что я в Цзянси, она попросила меня о приюте. По возвращении велю служащим на почтовой станции приготовить для нее комнату, в которой останавливался Цзымин.

Си Мин не придавал его словам особого значения и равнодушно кивнул, а вот Лу Линси тотчас спросил:

— Брат Тан, почему я прежде никогда не слышал от тебя об этой кухне?

— Я был далеко, и мы не поддерживали связь, – улыбнулся Тан Фань. – Только перед самым отъездом из столицы узнал о произошедшем от сестры.

“Но почему ты не рассказал об этом, когда мы только прибыли в Цзянси, и только теперь вдруг сообщил без всякого предупреждения?”

Си Мина подобные вопросы не волновали. Он в любом случае выполнил бы любой приказ Тан Фаня. Лу Линси же терзался от любопытства, однако спрашивать в лоб было невежливо: все-таки он слишком мало знал о семье Тан Фаня.

Немного подумав, Лу Линси сменил тактику:

— Брат Тан, твоя многоуважаемая кухня все-таки женщина. Ей будет не очень удобно делить с нами один двор, разве нет?

— Звучит разумно, – немного подумав, отозвался Тан Фань. – Можешь переехать к Си Мину, а мы с кухней останемся в нашем дворе. В детстве мы были помолвлены, а теперь она осталась одна-одинешенька, без всякой поддержки, незачем с такой строгостью соблюдать приличия.

— ... – услышав эти слова, Лу Линси неописуемо расстроился: своим вопросом он сам загнал себя в ловушку.

Он долго думал, но так и не смог придумать подходящего предлога для отказа. Угрюмо согласившись, он все-таки не удержался и добавил:

— Раз была с детства обручена с братом Таном, должно быть, она образованная, благородная и добродетельная женщина. Как мне к ней обращаться при встрече? Брат Тан, научи меня, чтобы я не оказался бестактен!

На словах “добродетельная женщина” уголки губ Тан Фаня дрогнули. К счастью, Лу Линси этого не заметил.

Тан Фань придавал лицу выражение с ноткой ностальгии:

— Зовите ее просто “барышня Цяо”. Я встречался с ней всего пару раз, когда был ребенком, и с тех пор больше не видел. По натуре она всегда была очень застенчивой... – сказав это, Тан Фань сделал паузу, мысленно пробормотав: “Меня сейчас стошнит”, – а затем продолжил: – Она застенчива и, боюсь, ей будет неловко, если вы будете называть ее “сестрой” или “госпожой”. В конце концов, мы еще не женаты. Не хочу, чтобы ее доброе имя пострадало.

Тан Фань не считал, что Лу Линси и остальным ни в коем случае нельзя знать истинную личность “барышни Цяо”, однако он не был уверен, что в местном правительстве нет людей секты Белого Лотоса. Лу Линси был еще молод – если что-то ляпнет или поведет себя как-то не так, то... Рисковать было нельзя, следовало проявить осторожность. Открыть им правду можно было и по завершении расследования.

Лу Линси долго не мог переварить эту шокирующую информацию. Выслушав Тан Фаня, он словно потерял связь с реальностью.

— Господин, – спросил Си Мин, – коли уж дела так обернулись, будут какие-то распоряжения касательно семьи Линь?

— Будут, – улыбнулся Тан Фань. – Только они несколько аморальны, незаконны и требуют тщательного планирования.

— Господину стоит только отдать приказ!

— Хм... Тогда сходи и узнай, где захоронено тело Линь Чжэня. Ночью, как только все уснут, пойдем копать могилу.

Он говорил абсолютно ровным голосом, однако остальные, услышав это, были поражены: так Тан Фань не рассердился из-за отказа Линь Фэньюаня потому, что уже давно это задумал?

— Брат Тан, – подал голос Лу Линси. – Это действительно необходимо?

Он, хоть и был сыном благородной фамилии, в юности много бродил по свету и закалил свой характер. Однако раскапывание могил могло плохо сказаться на репутации. Если их поймают и об этом станет известно, статус императорского посланника Тан Фаня не спасет. Ради самого Тан Фаня Лу Линси должен был убедиться, что тот тщательно все продумал.

— Ты ничего не заметил в доме Линь? – ответил вопросом на вопрос Тан Фань.

Зная, что Тан Фань спрашивает неспроста, Лу Линси задумался:

— Линь Фэньюань вел себя немного странно.

— И в чем странность?

— Человек, вроде Линь Фэньюаня, потеряв сына и виня в этом Шэнь Куньсю, должен был больше, чем кто бы то ни было, желать его разоблачения и, по идее, не должен был отказывать брату Тану в проведении вскрытия, но он продолжал упорствовать без всякой на то причины. И магистрат Фань сказал, что до смерти Линь Чжэня Линь Фэньюань был другим.

— Что-нибудь еще?

Получив одобрение Тан Фаня, Лу Линси еще крепче задумался:

— Может, причина смерти Линь Чжэня совсем в другом? И не имеет никакого отношения к Шэнь Куньсю? Линь Фэньюань боится, что мы об этом узнаем, и потому категорически запретил нам открывать гроб?

— Вполне возможно.

Воодушевленный, Лу Линси дал волю воображению:

— Что могло заставить Линь Фэньюаня так переживать и бояться? Не иначе совесть у него нечиста. А может, Линь Фэньюань сам и убил своего сына, а теперь опасается, что его раскроют?

Тан Фань со смехом покачал головой. Кажется, тот погорячился.

— Помнишь картину на стене?

— Помню, но в ней не было ничего особенного.

— Говоря со мной, Линь Фэньюань время от времени краем глаза поглядывал в ту сторону. Сначала я не мог понять, в чем дело, а затем решил, что тот, должно быть, смотрит на картину, а потому как бы ненароком спросил о ней. Его ответ показался мне странным. Он сказал, что нарисовал ее на днях. Сам подумай, стал бы столь изможденный из-за смерти сына человек рисовать?

Лу Линси ахнул. Он действительно не подумал об этом.

— Живопись – отражение мыслей, стихи – голос сердца, – продолжал Тан Фань. – Если ему захотелось порисовать, картина должна была отражать его печаль и тоску. С чего бы ему изображать нечто столь оптимистичное и воодушевляющее, как “Одинокий листок легкой лодки в течении реки”?

— Значит, с Линь Фэньюанем что-то не так?

— Не просто не так, а очень не так! – уверенно отозвался Тан Фань. – И не только с Линь Фэньюанем, но и с Шэнь Куньсю тоже.

— Хочешь сказать, – озадаченно поинтересовался Лу Линси, – что Шэнь Куньсю все-таки воспользовался произошедшим, чтобы отомстить?

Тан Фань покачал головой, однако уточнять ничего не стал, ответив лишь:

— Всеу свое время. Сначала посмотрим, удастся ли нам что-то найти у Линь Чжэня.

Каждый раз, слушая мысли Тан Фаня по поводу дела, Лу Линси чувствовал себя беспомощным и неполноценным. Ему оставалось лишь прикладывать все силы, чтобы стать более внимательным, в надежде, что он сможет угнаться за Тан Фанем. Впрочем, когда Тан Фань говорил загадками, шансы на то, что он что-то поймет, и вовсе сводились к нулю. И это его

расстраивало.

Словно прочитав мысли Лу Линси, Тан Фань похлопал его по плечу:

— Ицин, на самом деле, в твоём возрасте я был не лучше, чем ты сейчас. Не пытайся проглотить все за раз. Прояви терпение.

Однако Лу Линси так не думал. Услышав, что Тан Фань говорит с ним наставительным тоном, как взрослый с ребёнком, он ещё больше расстроился и тотчас возразил:

— Брат Тан, я ненамного младше тебя! И я очень тебе помог!

— Хорошо-хорошо, ты очень мне помог. Я должен поблагодарить тебя и Си Мина с Хань Цзинем!

— ...

Вот как. Его статус оказался не выше, чем у Си Мина с остальными.

Послесловие автора:

В деле появилось много зацепок и произошёл сильный прогресс, так что я не смогла впихнуть в главу кузину Суй, все будет в следующей~

Кое-кто из читателей спросил меня о прогрессе между СуйТанами и ситуации с этой книгой. Кажется, в прошлой главе об этом написано было не очень точно, так что объясню все сейчас:

1. Как следует из описания, Сяо Лу нужен лишь для украшения сюжета. Автор никогда не меняет состав глав. парочек по мере написания. Все, кто со мной давно, знают это.
2. В основной части постелькам не быть а вот в экстах – быть. Господин Тан будет чертовски рад на следующий день с больной поясницей идти к императору. Но никаких описаний точно не будет. Это низкорейтинговое произведение. Такова уж политика, ничего не поделаешь ~
3. Эту книгу напечатают, но концовку в печать не пропустят. Однако она все равно будет опубликована. Кроме того, в онлайн-версии будут экстры, которых не будет в печатной, а в печатной будет эксклюзивная экстра, которой не будет в электронной.

Вот так вот!

Мини-театр:

Ван Чжи: Слышал, что в Цзянси ты притворялся женщиной?

Суй Чжоу: Угум.

Ван Чжи (недоуменно): Ты же такой высокий и крепкий. Насколько слепым нужно быть, чтобы принять тебя за женщину?

Суй Чжоу: Я знаю одну хитрость.

Ван Чжи: Что за хитрость? Ну-ка рассказывай.

Суй Чжоу: Научился у тебя жесту орхидеи (средний палец и большой вместе), который ты делаешь, когда говоришь.

Ван Чжи (в гневе): Ты, безмозглая детина! Хватит очернять имя этого командующего! Когда это великолепный я делал жест орхидеи?

Суй Чжоу: Это неотъемлемый атрибут последующих поколений евнухов.

Ван Чжи: ...

Примечания переводчика:

Ну конечно, после секса с таким “альфа-самцом”, который даже целует против воли так, что человек чуть не задыхается, и кайфует от этого, не только поясница болеть будет. Треш... Я когда это прочитала, мне плохо целых два дня было.

Вот вроде хочешь побыстрее главы переводить, а там то СЧ насильничает, то МСШ хвастается, как у бедного ТФ после постелек все болеть будет.

Куда катится мир, остановите, я сойду!

По поводу печатной версии, я уже давно говорила в группе, но повторяю: печатная версия – это цензурная версия. И в ней, помимо нашей “романтики”, если это можно так назвать, (там броманс) отсутствуют еще и некоторые арки. Например, экстры и арка про сестру ТФ, и вообще в принципе вся поездка ТФ в округ Сяньхэ. И главы там по-другому разбиты. Их всего 32, то есть несколько глав объединены в одну. Но в ней есть одна дополнительная экстра в конце, вместо восемнадцати экстр электронной книги. Я ее тоже собираюсь перевести, если ничего не случится. Так что не волнуйтесь.

<http://tl.rulate.ru/book/50212/3084464>